

Научная статья

УДК 316.47

DOI: 10.18384/3033-6414-2026-3-43-57

ДРУЖБА КАК САЛЮТОГЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ: АДАПТАЦИЯ И ВАЛИДИЗАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ФУНКЦИЙ ДРУЖБЫ MCGILL (MFQ-FF)

Нестерова А. А.^{1,2*}, Андони А. И.¹

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² Московский институт психоанализа, г. Москва, Российская Федерация

* Копирующий автор: anesterova77@rambler.ru

Поступила в редакцию 10.03.2026

После доработки 16.03.2026

Принята к публикации 20.03.2026

Аннотация

Цель. Адаптировать и валидизировать русскоязычную версию опросника функций дружбы McGill (MFQ-FF) для изучения дружбы как средового салютогенного фактора.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие 395 респондентов (259 женщин, 136 мужчин) в возрасте от 18 до 55 лет. Использовались русскоязычная версия MFQ-FF, методика «Стратегии социальной поддержки» (А. А. Нестерова, 2011) и Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях (ТЭММО; В. Б. Шумский, Е. М. Уколова, Е. Н. Осин, 2016). Проведены эксплораторный и конфирматорный факторный анализы, оценка надёжности (α -Кронбаха, ретест), а также анализ половых различий (t-критерий Стьюдента).

Результаты. Подтверждена шестифакторная структура MFQ-FF, объясняющая 72,4% дисперсии. Все шкалы демонстрируют высокую внутреннюю согласованность ($\alpha = 0,874\text{--}0,933$) и ретестовую надёжность ($r = 0,79\text{--}0,91$). Конвергентная валидность подтверждена сильными корреляциями с экзистенциальной исполненностью в МО ($r = 0,62\text{--}0,76$, $p < 0,001$), дивергентная – слабыми связями с иерархическими формами отношений ($r = 0,02\text{--}0,06$, $p > 0,05$). Женщины значительно выше оценивают все функции дружбы, особенно «самопризнание» и «близость».

Теоретическая и/или практическая значимость. Русскоязычная версия MFQ-FF подтверждает применимость функциональной модели дружбы в отечественной психологии и расширяет понимание дружбы как салютогенного фактора, способствующего психологическому благополучию и экзистенциальному функционированию во взрослом возрасте. Методика может быть использована в исследованиях и прикладной практике для оценки ресурсного потенциала дружеских отношений и разработки программ поддержки.

Ключевые слова: дружба, функции дружбы, салютогенез, MFQ-FF, психометрическая валидизация, социальная среда, социальная поддержка, взрослые

Для цитирования: Нестерова А. А., Андони А. И. Дружба как салютогенный элемент социальной среды взрослых людей: адаптация и валидизация русскоязычной версии опросника функций дружбы McGill (MFQ-FF) // Психологические науки. 2026. № 3. С. 43–57. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-3-43-57>

Original research article

FRIENDSHIP AS A SALUTOGENIC ELEMENT OF THE ADULT SOCIAL ENVIRONMENT: ADAPTATION AND VALIDATION OF THE RUSSIAN VERSION OF THE MCGILL FRIENDSHIP QUESTIONNAIRE (MFQ-FF)

A. Nesterova^{1,2*}, A. Andoni¹

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: anesterova77@rambler.ru

Received by the editorial office 10.03.2026

Revised by the author 16.03.2026

Accepted for publication 20.03.2026

Abstract

Aim. To adapt and validate the Russian-language version of the McGill Friendship Questionnaire – Friend’s Functions (MFQ-FF) for studying friendship as a salutogenic factor embedded in the social environment.

Methodology. The study involved 395 participants (259 women, 136 men) aged 18 to 55 years. Instruments included the Russian version of the MFQ-FF, the “Social Support Strategies” questionnaire (Nesterova, 2011), and the Test of Existential Motivations in Interpersonal Relationships (TEMIR; V. B. Shumskiy, E. M. Ukolova, E. N. Osin, 2016). Both exploratory and confirmatory factor analyses were conducted. Reliability was assessed using Cronbach’s alpha and test–retest coefficients, and gender differences were examined using Student’s *t*-test.

Result. A six-factor structure of the MFQ-FF was confirmed, accounting for 72.4% of the total variance. All subscales demonstrated high internal consistency ($\alpha = 0.874\text{--}0.933$) and test–retest reliability ($r = 0.79\text{--}0.91$). Convergent validity was supported by strong correlations with existential fulfillment in interpersonal relationships ($r = 0.62\text{--}0.76$, $p < 0.001$), while divergent validity was evidenced by negligible associations with hierarchical relationship styles ($r = 0.02\text{--}0.06$, $p > 0.05$). Women rated all friendship functions significantly higher than men, particularly “self-validation” and “intimacy.”

Research implications. The Russian version of the MFQ-FF confirms the applicability of the functional model of friendship within Russian psychological science and advances the conceptualization of friendship as a salutogenic factor that promotes psychological well-being and existential functioning in adulthood. The instrument can be effectively employed in both research and applied settings to assess the resource potential of friendships and to inform the development of psychosocial support programs.

Keywords: friendship, friendship functions, salutogenesis, MFQ-FF, psychometric validation, social environment, social support, adults

For citation: Nesterova, A. A. & Andoni, A. I. (2026). Friendship as a Salutogenic Element of the Adult Social Environment: Adaptation and Validation of the Russian Version of the McGill Friendship Questionnaire (MFQ-FF). In: *Psychological Sciences*, 3, 43–57. <https://doi.org/10.18384/3033-6414-2026-3-43-57>

ВВЕДЕНИЕ

Психологическое благополучие человека, его развитие неразрывно связаны с качеством различных окружающих жизненных сред: физических, социальных и символических. Среда является актуальным полем социализации современного человека. В этом контексте особенно актуальным становится изучение тех социальных функций, которые реализуются внутри среды и одновременно способствуют её «оживлению», насыщению смыслом и укреплению её салютогенного потенциала [1; 2].

А. Антоновский в рамках салютогенного подхода сместил акцент с изучения причин патологизирующих условий среды на исследование факторов, в том числе и средовых, способствующих сохранению здоровья в условиях стресса [3]. Центральным конструктом его теории выступает «чувство связанности» (Sense of Coherence, SOC), включающее три компонента: постижимость (восприятие мира как упорядоченного и предсказуемого), управляемость (убеждённость в наличии ресурсов для преодоления жизненных требований) и осмысленность (готовность вкладывать усилия в решение трудностей, поскольку жизнь воспринимается как значимая) [3]. В своей концепции А. Антоновский особое место в устойчивости человека к неблагоприятным факторам отдавал социальной поддержке, в том числе со стороны друзей. Социальная поддержка рассматривалась им как генерализованный ресурс сопротивления невзгодам и стрессам [4]. Дружба как одна из форм близкой социальной связи способствует укреплению всех компонентов чувства связанности, так как расширяет доступ к ресурсам и поддерживает мотивацию к активному взаимодействию со средой [5; 6; 7; 8].

Так, например, польские исследователи, опираясь на концепцию А. Антоновского, делают акцент на том, что «здоровые» социальные среды, поддерживающие чувство связанности, способ-

ствуют успешной интеграции мигрантов в принимающем сообществе [9]. Отечественные авторы, исследуя факторы благополучия/неблагополучия современных студентов, отмечают, что психологическое неблагополучие обусловлено не столько трудными жизненными событиями, сколько дефицитом ресурсов для их преодоления у молодёжи, включая внешние ресурсы, такие как социальная поддержка, что подчёркивает её ключевую роль в смягчении стрессогенного воздействия жизненных сред и сохранении благополучия студенческой молодёжи [10].

Дружбу можно рассматривать как добровольную, эмоционально насыщенную и взаимно поддерживающую связь, играющую важную роль в адаптации взрослого человека к меняющимся условиям жизни [5; 11].

В условиях современных городских и профессиональных сред, характеризующихся высокой плотностью, анонимностью и растущим уровнем стресса, устойчивые дружеские отношения становятся не только личным ресурсом, но и индикатором «здоровья» среды в целом. Шведская исследовательница Э. Шад, опираясь на теорию салютогенеза, изучала повседневный опыт подростков в Швеции и пришла к выводу, что их психосоциальное благополучие напрямую зависит от ощущения принадлежности и наличия поддерживающих ресурсов в ближайшем окружении. Подростки, у которых есть прочные дружеские связи и которые чувствуют себя частью заботливой социальной среды, лучше справляются со стрессом и активнее участвуют в создании условий, способствующих здоровью и благополучию [12]. Эти данные подчёркивают то, что дружба и социальная включённость – это не просто индивидуальные преимущества, а важные компоненты той самой «здоровой» среды, о которой говорится в теории салютогенеза.

Подобные выводы подтверждаются и в работах других авторов. Например, в исследовании М. Перейры [13] предложена

концепция так называемого «социально-го щита» («Escudo Social»), согласно которой эффективность поддержки, получаемой человеком от своего окружения, во многом зависит от его собственных социальных навыков. Исследование среди молодых взрослых показало, что именно дружеские отношения лежат в основе этого «щита», т. к. именно они не только способствуют личностному росту, но и реально снижают риск развития депрессии и тревожных расстройств, выполняя защитную функцию в сложных жизненных ситуациях [13].

При этом, несмотря на очевидную роль дружбы в поддержании психологического благополучия, в отечественной психологии до сих пор нет надёжных и валидизированных методик, позволяющих измерять функции дружбы у взрослых в условиях их повседневного взаимодействия с окружающей средой. Между тем зарубежные исследования (например, опросник *Friendship Functions*) демонстрируют, что дружба выполняет ряд устойчивых функций, начиная с эмоциональной поддержки, совместного времяпрепровождения, заканчивая сложными механизмами социального сравнения и укрепления самооценки [8; 14; 15].

Функциональная модель дружбы, предложенная учёными из института МакГилла, выделяет шесть ключевых функций зрелой дружбы: стимулирующее общение, помощь, эмоциональную безопасность, близость, надёжный альянс и самопризнание [16]. Согласно этому подходу, среда не является пассивным фоном, а выступает активным участником взаимодействия, формирующим условия для реализации личности и поддержания её психического благополучия. В этом смысле дружба рассматривается не только как межличностное отношение, но и как структурный элемент среды, который, обеспечивая устойчивые функции поддержки, делает среду салютогенной, т. е. способствующей физическому и эмоциональному здоровью человека.

Цель настоящей статьи – адаптации и валидации русскоязычной версии методики измерения функций дружбы у взрослых (*McGill Friendship Questionnaire – Friend's Functions (MFQ-FF)*). Мы исходим из того, что дружба представляет собой средовой феномен, который как встраивается в среду, так и модифицирует её. Представленное исследование направлено на обеспечение методологической основы для изучения того, как дружба становится фактором салютогенеза, способствуя поддержанию и укреплению психического здоровья в условиях современной среды.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методика *McGill Friendship Questionnaire – Friend's Functions (MFQ-FF)*, разработанная М. Мендельсоном и Ф. Эбауд в 1999 г. в университете МакГилл, представляет собой стандартизированный инструмент для комплексной оценки качества дружеских отношений через призму функционального подхода [16]. Опросник направлен на измерение степени, в которой друг выполняет каждую из шести ключевых функций дружбы: стимулирующее общение, помощь, близость, эмоциональная безопасность, надёжный союз и самопризнание. Каждая функция в данном опроснике оценивается по пяти утверждениям по шкале Лайкерта, что позволяет получить детализированную картину восприятия поддержки в дружеских отношениях. Методика изначально валидизировалась авторами на выборке подростков и молодых взрослых, демонстрируя высокую внутреннюю согласованность и конструктивную валидность, что позволяет говорить о её надёжности в измерении динамики межличностных связей в контексте психического здоровья и социального развития.

Широкое применение MFQ-FF в международных исследованиях подтверждает её кросс-культурную валидность и адаптивность. В частности успешно проведе-

ны процедуры валидации методики в Бразилии [13], Венгрии [17], Индонезии [18], где подтверждена её эффективность для изучения гендерных особенностей дружбы и возрастных различий в восприятии дружеской поддержки. В последние годы методика активно используется в исследованиях, изучающих связь качества дружбы с психическим благополучием, устойчивостью к стрессу и защитными функциями социальных связей против депрессии и тревожности [19; 20; 21].

Выборка исследования. В исследовании приняли участие мужчины и женщины в количестве 395 человек (259 женщин и 136 мужчин). Возраст респондентов – от 18 до 55 лет (группа делилась по полу и по возрасту: 18–35 лет и 36–55 лет). Выбор указанных возрастных групп обусловлен данными возрастной и социальной психологии о закономерностях развития дружеских отношений во взрослом возрасте. Все респонденты являлись носителями русского языка.

Дружеские характеристики изучались в контексте отношений с друзьями одного и противоположного пола. Респонденты указывали наличие или отсутствие таких дружеских связей.

Методики исследования

В работе применялся «Опросник функций дружбы университета МакГилла» – «Функции дружбы» (MFQ-FF; Mendelson, Aboud, 1999) [16]. Опросник был переведён с английского на русский язык и обратно профессиональными переводчиками, окончательная редакция пунктов была утверждена авторами исследования. Методика включает 30 утверждений, оценивающих характеристики дружеских функций по шести факторам (по пять пунктов на каждый фактор): *стимулирующее общение* (например, «С _____ интересно общаться»), *помощь* (например, «_____ помогает мне в моих делах»), *близость* (например, «_____ чувствует, когда я расстроен»), *надежный альянс* (например, «_____ остался бы моим другом,

даже если бы другие люди критиковали меня»), *самопризнание* (например, «_____ указывает мне на то, в чем я хорош»), *эмоциональная безопасность* (например, «С _____ мне обычно спокойно, когда я встревожен»). Утверждения оценивались по девятибалльной шкале (никогда [0] – всегда [8]).

Для математико-статистической обработки данных валидации опросника дружбы MFQ-FF (McGill Friendship Questionnaire – Friend's Functions) использовались программы Statistica 12 и Jamovi. Надёжность методики оценивалась с помощью коэффициента α -Кронбаха, (примемлемым значением для каждой шкалы считался показатель выше 0,7). Для исследования факторной структуры опросника применялись как эксплораторный, так и конфирматорный факторный анализ. Применимость данных для факторного анализа оценивалась с помощью теста сферичности Бартлетта и индекса КМО. Для выявления половых различий использовался критерий t-Стьюдента, а также корреляционный анализ для расчёта ретестовой надёжности и конвергентной/дивергентной валидности.

С помощью конфирматорного факторного анализа проверялась соответствие эмпирических данных шестифакторной теоретической модели MFQ. Анализ проводился методом максимального правдоподобия. Оценка качества модели осуществлялась по индексам TLI, CFI, RMSEA и SRMR. Значения CFI и TLI выше 0,9 и 0,95, SRMR не более 0,08 и RMSEA менее 0,06 или 0,08 интерпретировались как хороший уровень соответствия.

Для оценки конвергентной и дивергентной валидности использовались две методики:

1. Методика «Стратегии социальной поддержки» А. А. Нестеровой [22], направленная на выявление предпочтительных форм поддержки, получаемой от близких людей;

2. Тест экзистенциальных мотиваций в межличностных отношениях (ТЭММО)

[23], который измеряет степень экзистенциальной исполненности в близких отношениях.

Результаты

Данные продемонстрировали отличную пригодность для факторного анализа (см. табл. 1). Общий показатель Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) составил 0,963, что по общепринятой классификации относится к категории «превосходной» пригодности. Значения меры адекватности отдельных пунктов (MSA) для всех 30 утверждений опросника также оказались высокими (от 0,947 (пункт 15) до 0,980 (пункт 30)), что говорит о сильной взаимосвязи каждого пункта с остальными.

Кроме того, тест сферичности Бартлетта оказался статистически значимым ($\chi^2 = 10435$, $df = 435$, $p < 0,001$), подтверждая наличие устойчивых корреляций между переменными и обоснованность применения факторного анализа. Представленные результаты даже превосходят показатели, полученные при других кросс-культурных адаптациях опросника, например, в венгерской версии КМО варьировался от 0,78 до 0,91 [17]. Это позволяет говорить об исключительно высоком качестве данных,

полученных на русскоязычной выборке, в настоящем исследовании и их полной пригодности для факторизации.

Эксплораторный факторный анализ подтвердил шестифакторную структуру русскоязычной версии опросника MFQ-FF, её полное совпадение с оригинальной моделью Мендельсона и Абуд [16]. Все вместе шесть факторов объясняют 72,4% общей дисперсии (см. табл. 2).

Первые два фактора вносят наибольший вклад, т. к. каждый из них объясняет около 15,7% общей дисперсии (сумма квадратов нагрузок $SS = 4,70$), что указывает на их центральную роль в структуре восприятия дружбы. Третий и четвёртый факторы добавляют по 11,1% ($SS = 3,33$) и 10,8% ($SS = 3,24$) соответственно. Пятый фактор объясняет 9,85% дисперсии ($SS = 2,95$), а шестой добавляет ещё чуть более 9% ($SS = 2,79$). Эти данные подтверждают статистическую значимость каждого из выделенных факторов.

Чтобы проверить, насколько хорошо предложенная шестифакторная модель отражает реальные связи между пунктами опросника, был проведён конфирматорный факторный анализ (КФА). Качество модели оценивалось по стандартному набору индексов соответствия.

Таблица 1 / Table 1

Показатели пригодности данных для факторного анализа / Data suitability indicators for factor analysis

Показатель / Measure	Значение / Value
Мера адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (КМО) / Kaiser–Meyer–Olkin Measure of Sampling Adequacy	0,963
Тест Бартлетта на сферичность / Bartlett' test of sphericity	
χ^2 / Approx. Chi-Square	10435
Степени свободы (df) / df	435
Значимость (p) / Sig.	< 0,001

Примечание. Общий показатель КМО составил 0,963, что говорит о высокой пригодности данных для факторного анализа. Значения меры адекватности по отдельным пунктам (MSA) находились в диапазоне от 0,947 (пункт 15) до 0,980 (пункт 30), т. е. все вопросы опросника хорошо коррелируют друг с другом / Note. The overall KMO value was 0,963, indicating that the data are very well suited for factor analysis. Item-level MSA values ranged from 0,947 (item 15) to 0,980 (item 30), showing that all questionnaire items are strongly intercorrelated

Источник: данные авторов.

Таблица 2 / Table 2

Результаты факторного анализа (n = 395) / Factor analysis results (n = 395)

Фактор	Сумма квадратов нагрузок (SS)	% объясненной дисперсии	Накопленный %
1	4,70	15,68	15,7
2	4,70	15,67	31,3
3	3,33	11,10	42,5
4	3,24	10,80	53,2
5	2,95	9,85	63,1
6	2,79	9,28	72,4

Источник: данные авторов.

Получилось, что индекс сравнительного соответствия (CFI) составил 0,961, что выше порога 0,95 и указывает на хорошее согласие модели с данными; а индекс Тукера–Льюиса (TLI), учитывающий сложность модели, оказался чуть ниже и составил 0,943. Это значение попадает в зону «приемлемого» соответствия ($\geq 0,90$) и лишь немного не дотягивает до уровня «хорошего» ($\geq 0,95$).

Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR) равен 0,043, что значительно ниже критического значения 0,08, а значит, модель точно воспроизводит наблюдаемые корреляции между пунктами. Среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) составила 0,08, и это находится на границе диапазона 0,08–0,10, который обычно считается допустимым и говорит об умеренной, но приемлемой ошибке аппроксимации.

В совокупности эти показатели позволяют сделать вывод о том, что гипотетическая шестифакторная структура достаточно хорошо описывает эмпирические данные. Несмотря на то, что TLI и RMSEA находятся на пределе рекомендованных значений, высокие CFI и SRMR подтверждают общую адекватность модели, что даёт нам основание использовать её для дальнейшей теоретической интерпретации конструктора функций дружбы.

Надёжность

Надёжность русскоязычной версии опросника MFQ-FF оценивалась с помо-

щью коэффициента альфа Кронбаха. Все шесть шкал продемонстрировали высокую внутреннюю согласованность:

1. «Стимулирующее общение» – $\alpha = 0,91$;
2. «Помощь» – $\alpha = 0,87$;
3. «Близость» – $\alpha = 0,92$;
4. «Надёжный союз» – $\alpha = 0,93$;
5. «Самопризнание» – $\alpha = 0,92$;
6. «Эмоциональная безопасность» – $\alpha = 0,92$.

Коэффициенты α -Кронбаха для русскоязычной версии оказались выше, чем в венгерской адаптации опросника ($\alpha = 0,69$ – $0,88$), что говорит о высокой внутренней согласованности шкал [17].

Ретестовая надёжность оценивалась спустя три месяца на выборке из 88 участников исходного исследования (в выборку вошли 54 женщины и 34 мужчины в возрасте от 18 до 55 лет). Стабильность показателей во времени измерялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена. По всем шести шкалам корреляции между первым и повторным заполнением были статистически значимыми ($p < 0,001$), а их значения колебались от 0,79 до 0,91 (см. табл. 3). Такие величины считаются высокими и указывают на хорошую устойчивость результатов во времени. Полученные данные соответствуют или даже превосходят показатели ретестовой надёжности, зарегистрированные в оригинальной англоязычной версии опросника и в других кросс-культурных адаптациях [16; 17].

Таблица 3 / Table 3

**Надёжность MFQ-FF при повторном тестировании (интервал 3 месяца) /
Reliability of MFQ-FF on retesting (3-month interval)**

Шкала	Корреляция ретеста
Стимулирующее общение	0,82**
Помощь	0,85**
Близость	0,87**
Надёжный союз	0,84**
Самопризнание	0,79**
Эмоциональная безопасность	0,91**

Источник: данные авторов.

Конвергентная и дивергентная валидность

Для проверки валидности русскоязычной версии опросника MFQ-FF мы провели корреляционный анализ с другими методиками, измеряющими близкие и,

наоборот, противоположные по смыслу конструкты (см. табл. 4).

Конвергентная валидность методики подтвердилась, так как все шесть функций дружбы показали устойчивые положительные связи с показателями

Таблица 4 / Table 4

Корреляции функций дружбы (MFQ-FF) с показателями характеристик межличностных отношений (N = 395) / Correlations of friendship functions (MFQ-FF) with interpersonal relationship characteristics (N = 395)

Критериальные показатели	I	II	III	IV	V	VI
Экзистенциальная исполненность в отношениях						
Доверие в отношениях	0,64**	0,63**	0,69**	0,68**	0,63**	0,71**
Ценность жизни в отношениях	0,68**	0,64**	0,70**	0,68**	0,67**	0,72**
Аутентичность в отношениях	0,62**	0,62**	0,68**	0,68**	0,69**	0,73**
Смысл отношений	0,67**	0,66**	0,64**	0,66**	0,68**	0,71**
Общий показатель экзистенциальной исполненности	0,70**	0,68**	0,72**	0,72**	0,71**	0,76**
Стратегии социальной поддержки						
Надёжный союз	0,49**	0,47**	0,58**	0,55**	0,55**	0,59**
Эмоциональная привязанность/зависимость	0,27**	0,25**	0,29**	0,25**	0,27**	0,32**
Подчинённость/опора на авторитетное мнение	0,28**	0,31**	0,35**	0,25**	0,33**	0,35**
Опека и покровительство	0,02	0,02	0,02	0,04	0,03	0,06
Социальная интеграция	0,48**	0,41**	0,50**	0,44**	0,49**	0,50**
Внешняя поддержка самооценки и самоуважения	0,43**	0,39**	0,51**	0,47**	0,54**	0,49**

Примечание. ** – корреляция значима при $p < 0,01$. Корреляции по шкале «опека и покровительство» статистически незначимы ($p > 0,05$). I – Стимулирующее общение; II – Помощь; III – Близость; IV – Надёжный союз; V – Самопризнание (или Самооценка в дружбе); VI – Эмоциональная безопасность

Источник: данные авторов.

экзистенциальной исполненности в отношениях. Корреляции со шкалами валидируемой методики были высокими (от 0,62 до 0,76 (при $p < 0,001$)). Наиболее тесная связь наблюдалась между функцией «эмоциональная безопасность» и общим уровнем экзистенциальной исполненности ($r = 0,76$).

Высокие корреляции также получились по отдельным компонентам этой шкалы:

- аутентичность в отношениях ($r = 0,62-0,73$);
- ценность жизни в отношениях ($r = 0,64-0,72$);
- доверие ($r = 0,63-0,71$);
- смысл отношений ($r = 0,64-0,71$).

Кроме того, функции дружбы умеренно, но значимо коррелировали ($r = 0,41-0,58$, при $p < 0,01$) с такими факторами стратегий социальной поддержки, как «надёжный союз», «социальная интеграция» и «внешняя поддержка самоуважения». Нам кажется это вполне логичным, т. к. дружба действительно выступает важным ресурсом для межличностной стабильности и психологического благополучия, что согласуется с теоретическими представлениями о её роли в жизни взрослого человека.

Дивергентная валидность подтвердилась частично. Функции дружбы показали слабые или почти нулевые связи с конструктами, которые теоретически не относятся к горизонтальным, а также равноправным отношениям. Так, корреляции с фактором «опека и покровительство» были практически отсутствующими ($r = 0,02-0,06$, $p > 0,05$). Это соответствует представлению о дружбе как о форме близости, основанной на равенстве и взаимности, а не на иерархии или зависимости.

Сравнение мужчин и женщин (дифференциальная валидность опросника)

Сравнение мужчин и женщин выявило статистически значимые различия по всем шести шкалам MFQ-FF, что указывает на половую специфику в восприя-

тии дружеских функций. Женщины демонстрировали более высокие средние значения по всем функциям дружбы по сравнению с мужчинами. Наиболее выраженные различия зафиксированы по шкале «самопризнание» (женщины: $M = 6,68$; мужчины: $M = 5,67$; $t = 5,13$; $p < 0,001$), что указывает на большую важность для женщин получения подтверждения собственной ценности, поощрения и поддержания позитивного образа «Я» в дружеских отношениях. Значимые различия также обнаружены по функциям «близость» (женщины: $M = 6,76$; мужчины: $M = 6,02$; $t = 3,82$; $p < 0,001$), «эмоциональная безопасность» (женщины: $M = 6,61$; мужчины: $M = 6,03$; $t = 3,09$; $p = 0,002$) и «стимулирующее общение» (женщины: $M = 6,96$; мужчины: $M = 6,45$; $t = 2,94$; $p = 0,003$), что согласуется с гендерными стереотипами, предполагающими большую ориентацию женщин на эмоциональную открытость, уязвимость и совместные приятные переживания в рамках дружеских связей.

Менее выраженные, но статистически достоверные различия выявлены по шкалам «надёжный союз» (женщины: $M = 7,00$; мужчины: $M = 6,58$; $t = 2,27$; $p = 0,024$) и «помощь» (женщины: $M = 6,47$; мужчины: $M = 6,10$; $t = 2,07$; $p = 0,039$). Интересно отметить, что даже по функциям, традиционно ассоциируемым с мужской ролью (практическая помощь, надёжный союз), женщины приписывают дружбе несколько большую значимость.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Русскоязычная версия опросника функций дружбы (MFQ-FF) продемонстрировала шестифакторную структуру, полностью реплицирующую теоретическую модель оригинального инструмента, разработанного М. Мендельсоном и Ф. Абуд [16]. Шесть выделенных факторов, среди которых «стимулирующее общение», «помощь», «близость», «надёжный союз», «самопризнание» и «эмоциональная безопасность», совокупно

объясняют 72,4 % общей дисперсии, что превосходит показатели, зарегистрированные в ряде кросс-культурных адаптаций данного опросника (например, в венгерской версии объём объяснённой дисперсии составил только 64,3% [17]). Первые два фактора демонстрируют доминирующую объяснительную силу (по 15,7 % дисперсии каждый), что указывает на центральную роль когнитивно-стимулирующего и инструментально-практического аспектов дружбы в русскоязычной культурной среде. Такая конфигурация согласуется с представлениями о дружбе как о ресурсе, обеспечивающем как интеллектуальную стимуляцию, так и материальную и практическую, инструментальную поддержку в условиях неопределённости социальной среды. Полученные результаты, демонстрирующие доминирующую роль факторов «стимулирующее общение» и «помощь», согласуются также и с современными исследованиями социального капитала, показывающими, что дружеские связи обеспечивают доступ как к когнитивным, так и к инструментальным ресурсам, способствующим достижению жизненных целей [24]. В современных условиях социальной трансформации дружеские связи выполняют двойную функцию и когнитивной стимуляции, и практической помощи, что соответствует принципам салютогенеза и ориентации на ресурсы здоровья [25].

Проверка пригодности данных для факторного анализа выявила исключительные психометрические характеристики выборки: общий индекс КМО = 0,963 и индивидуальные значения MSA в диапазоне 0,947–0,980 свидетельствуют о высокой степени коррелированности переменных и позволяют отнести данные к категории «великолепной» пригодности для факторизации. Полученное значение КМО (0,963) выше, чем в других языковых версиях опросника (например, в венгерской адаптации методики оно колебалось в пределах от 0,78 до 0,91).

Это может быть связано с особенностями русскоязычной культуры, где дружбе традиционно придаётся более широкое, многофункциональное значение, и она воспринимается не просто как эмоциональная близость, но и как источник поддержки, доверия, совместного смысла и практической помощи.

Конфирматорный факторный анализ подтвердил, что шестифакторная структура хорошо описывает полученные данные. Индекс сравнительного соответствия (CFI = 0,961) и стандартизованный среднеквадратический остаток (SRMR = 0,0435), что говорит о том, что модель демонстрирует хорошее согласие с наблюдаемыми данными. Показатели TLI (0,943) и RMSEA (0,082) находятся на уровне «удовлетворительной» согласованности, что вполне ожидаемо для сложных, многомерных конструкторов, отражающих богатство и неоднозначность межличностных отношений. В совокупности эти результаты говорят в пользу теоретической обоснованности и валидности шестифакторной модели этого конструктора и в русскоязычном контексте.

Конвергентная валидность опросника подтвердилась, так как все функции дружбы устойчиво и положительно коррелировали с показателями экзистенциальной исполненности в отношениях ($r = 0,59–0,76$, $p < 0,001$). Наиболее тесная связь наблюдалась между функцией «эмоциональная безопасность» и общим уровнем экзистенциальной исполненности ($r = 0,76$). Этот результат согласуется с феноменологическим пониманием дружбы как пространства, где человек обретает чувство защищённости и наполняет отношения смыслом [26].

Также были обнаружены значимые умеренные корреляции с такими факторами, как «надёжный союз» ($r = 0,47–0,59$), «социальная интеграция» ($r = 0,41–0,50$) и «внешняя поддержка самооценности» ($r = 0,39–0,54$). Это подтверждает представление о дружбе как о ресурсе, который способствует не только

межличностной стабильности, но и укреплению самоуважения. Эта идея находит поддержку и в более широких исследованиях. Например, мета-анализ 48 лонгитюдных работ с участием свыше 50 тысяч человек показал, что качество дружеских отношений действительно предсказывает рост самоуважения, причём влияние дружбы на самоуважение оказывается сильнее обратного эффекта [27].

Что касается дивергентной валидности, то функции дружбы практически не коррелировали с фактором «опека и покровительство» ($r = 0,02-0,06, p > 0,05$). Это, на наш взгляд, представляется логичным, так как дружба в теории понимается как горизонтальная, равноправная форма близости, в отличие от иерархических, зависимых отношений. Отсутствие связи с этим фактором говорит о том, что шкалы опросника действительно измеряют именно эгалитарные межличностные связи и не смешиваются с конструктами, основанными на власти или заботе «сверху вниз».

Результаты по гендерным различиям согласуются с классическими представлениями о том, что женщины чаще воспринимают дружбу как эмоционально близкую и интимную связь, тогда как мужчины склонны строить её вокруг совместной деятельности и практической поддержки [28]. Однако в нашем исследовании женщины превосходили мужчин не только по «традиционно женским» функциям, но и по таким аспектам, как «помощь» и «надёжный союз», что обычно ассоциируются с «мужской» моделью дружбы.

Это может объясняться двумя факторами. Во-первых, в русскоязычной культуре дружба исторически понимается как многофункциональные и глубокие отношения, выходящие за рамки утилитаризма или эмоциональности, и это представление, вероятно, влияет на восприятие друга независимо от пола. Во-вторых, современные гендерные роли становятся всё более гибкими, так как женщины всё

чаще включают в свои близкие отношения элементы лояльности, надёжности и практической взаимопомощи, которые раньше считались преимущественно «мужскими».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, русскоязычная версия адаптируемого опросника MFQ-FF из 30 пунктов показала высокие психометрические качества. Данные хорошо подходили для факторного анализа (КМО = 0,963), а структура опросника подтвердилась как шестифакторная (объясняет 72,4% общей дисперсии).

Результаты конфирматорного факторного анализа показали, что предложенная шестифакторная модель хорошо описывает полученные эмпирические данные, а индексы соответствия находятся на приемлемом или даже хорошем уровне. Валидность опросника также подтверждается следующими основаниями. Прежде всего функции дружбы коррелируют в нашей выборке с близкими по смыслу конструктами (с экзистенциальной исполненностью в отношениях и стратегиями социальной поддержки), а также шкалы методики практически не связаны с теоретически далёкими от понимания функций дружбы переменными, такими как «опека и покровительство», характерными для неравноправных отношений.

Полученные результаты КФА позволяют рекомендовать русскоязычную версию MFQ-FF для исследований, проводимых среди взрослых людей (от 18 лет до 55 лет), особенно в ситуациях, когда дружба рассматривается как ресурс психического здоровья, благополучия и устойчивости в условиях стресса или социальной неопределённости. Также данный опросник может быть рекомендован для диагностики функций дружбы для молодёжи и людей среднего возраста.

Шесть выделенных функций отражают разные, но взаимосвязанные грани дружбы, каждая из которых имеет как теорети-

ческое обоснование, так и эмпирическую поддержку. Так, например, «стимулирующее общение» связано с совместной активностью, юмором и новыми впечатлениями, что способствует когнитивной гибкости и позитивному эмоциональному фону в поддерживаемых дружеских отношениях. «Помощь» включает практическую и информационную поддержку от друга, особенно ценную в периоды переживания кризиса человеком. «Близость» проявляется в эмоциональной отзывчивости и готовности делиться чем-то личным и сокровенным. Именно по этой причине эта функция выражена у женщин значительно сильнее, что согласуется с уже известными гендерными различиями в дружбе, обнаруженными другими исследователями. «Надёжный союз» как функция дружбы даёт ощущение того, что друг рядом и на него можно положиться даже в трудные моменты, что создаёт чувство опоры и стабильности в отношениях. «Самопризнание» укрепляет самоуважение через одобрение и поддержку, исходящих от друга, что подтверждается его связью с показателями самооценки и экзистенциальной исполненности. Наконец, «эмоциональная безопасность» – это та функция, которая наиболее тесно связана с чувством онто-

логической защищённости, помогающая сохранять внутреннее равновесие даже в стрессовых и кризисных ситуациях.

Среди ограничений стоит отметить, что выборка в основном включала людей в возрасте 18–55 лет (молодёжь и люди среднего возраста), поэтому делать выводы о других возрастных группах, например, о пожилых, у которых представления о дружбе могут существенно отличаться, было бы преждевременно. Ещё хочется отметить, что данные собирались с помощью самоотчётов. Это означает, что ответы могли быть подвержены влиянию социальной желательности или искажены особенностями самовосприятия участников опроса. Наконец, проверить устойчивость модели стоит и в других социокультурных условиях, например, в сельской местности, среди сообществ мигрантов и т. д.

В перспективе было бы ценно изучить, как функции дружбы трансформируются с возрастом и различаются у мужчин и женщин, а также как они могут смягчать последствия пережитого травматического опыта. Особенно интересно проследить, в какой степени дружба выступает буфером между стрессом и субъективным благополучием, работают ли дружеские отношения модератором этой связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нартова-Бочавер С. К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 5. С. 15–26. DOI: 10.31857/S020595920006072-5.
2. Твилле П. С., Севаниян Л. Г., Трункова К. С. От теории к практике: историческое развитие понятия «салютогенез» и внедрение салютогенного дизайна в медицинские организации в контексте повышения пациентоориентированности // Здоровье мегаполиса. 2025. Т. 6, № 1. С. 108–118. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1;108-118.
3. Antonovsky A. The structure and properties of the sense of coherence scale // Social Science & Medicine. 1993. Vol. 36, № 6. P. 725–733. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(93\)90033-z](https://doi.org/10.1016/0277-9536(93)90033-z)
4. Antonovsky A. The Salutogenic Model of Health: Ease, Dis-ease, and the River in Between // Handbook of Concepts in Health, Health Behavior and Environmental Health. Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. P. 1–20.
5. Андони А. И., Нестерова А. А. Социально-психологические подходы в воспитании дружбы взрослых людей: теоретический обзор // Человеческий капитал. 2025. № 5 (197). С. 30–42. DOI 10.25629/HC.2025.05.03.
6. Сорокоумова Г. В. Дружба подростков в цифровую эпоху: постановка проблемы // Психологические науки. 2025. № 4. С. 113–121. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-113-12.

7. Kristjánsson K. Friendship for virtue. Oxford: Oxford University Press, 2022. 217 p.
8. Zhang J., Wang H., Cai W. Understanding Social Capital in Decentralized Social Platform: An Empirical Study on Friend.tech // Proceedings of the 17th ACM Web Science Conference. NY: ACM Digital, 2025. P. 117–126. <https://doi.org/10.1145/3717867.3717893>
9. Brodziak A., Myrta A. R., Wolinska A. Antonovsky's point of view on determinants of immigrant integration // *MOJ Gerontology & Geriatrics*. 2017. Vol. 1, № 2. P. 45–46. DOI: 10.15406/mojgg.2017.01.00010.
10. Нартова-Бочавер С. К., Ходаковская Э. Н., Юрчук В. Ю. Ситуационно-событийный подход к пониманию психологического благополучия/неблагополучия студенческой молодёжи // *Современная зарубежная психология*. 2024. Т. 13, № 4. С. 41–50. DOI: 10.17759/jmfp.2024130404
11. Fehr B. Friendship processes. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 1996. 256 p.
12. Schad E. A Framework Analysis of Life Experiences of Swedish Adolescents: A Salutogenic Approach // *European Journal of Psychology and Educational Research*. 2025. Vol. 8, № 2. P. 49–68. DOI:10.12973/ejper.8.2.49
13. Escala McGill-UFRGS para avaliação dos grupos de amigos: adaptação e propriedades psicométricas / A. S. Pereira, D. A. DeSousa, L. Dutra-Thomé, S. H. Koller // *Psico-USF*. 2021. Vol. 26, № 4. P. 617–629. DOI: 10.1590/1808-8023.2021.2604
14. The benefits of friendships in academic settings: A systematic review and meta-analysis / T. A. Alotaibi, M. S. Alharbi, A. F. Almutairi, R. A. Alshammari // *Cureus*. 2023. Vol. 15, № 12. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (дата обращения: 10.10.2025). DOI: 10.7759/cureus.50219.
15. Parker J. G., Asher S. R. Friendship and friendship quality in middle childhood: Links with peer group acceptance and feelings of loneliness and social dissatisfaction // *Developmental Psychology*. 1993. Vol. 29, № 4. P. 611–621. DOI:10.1037/0012-1649.29.4.611
16. Mendelson M. J., Aboud F. E. Measuring friendship quality in late adolescents and young adults: McGill Friendship Questionnaires // *Canadian Journal of Behavioral Science*. 1999. Vol. 31, № 2. P. 130–132. DOI:10.1037/h0087080
17. Kasik L., Gál Z., Józsa K. Friendship Functions in Adolescence: Hungarian Version of the McGill Friendship Questionnaire // *Canadian Journal of School Psychology*. 2024. Vol. 39, № 2. P. 151–169. DOI: 10.1177/08295735241242591.
18. Anggawira V. J. Differentiating the quality of friendships among students from other regions and local students based on multicultural personality // *Jurnal Psikologi Tabularasa*. 2025. Vol. 20, № 1. P. 45–58. DOI: 10.26905/jpt.v20i1.15427.
19. Gulzar N., Sharma V. The Role of Quality of Friendship and Loneliness in Shaping Decision Making Styles among Young Adults // *Indian Journal of Positive Psychology*. 2025. Vol. 16, № 3. P. 402–407.
20. Putri F. E., Muttaqin D. The role of basic psychological need satisfaction as a mediator between friendship quality and life satisfaction // *Psikohumaniora: Jurnal Penelitian Psikologi*. 2022. Vol. 7, № 1. P. 15–26. DOI: 10.21580/pjpp.v7i1.10394.
21. Interpersonal mattering and students' friendship quality as predictors of subjective wellbeing / K. K. N. Yap, K. D. Prihadi, S. P. L. Hong, F. Baharuddin // *International Journal of Public Health*. 2022. Vol. 11, № 4. P. 1493–1500. DOI: 10.11591/ijphs.v11i4.21890.
22. Нестерова А. А. Социально-психологическая концепция жизнеспособности молодёжи в ситуации потери работы: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 525 с.
23. Уколова Е. М., Шумский В. Б., Осин Е. Н. ТЭММО – опросник для оценки экзистенциальной исполненности в межличностных отношениях: факторная структура, надёжность и валидность // *Экзистенциальный анализ*. 2016. № 8. С. 152–170.
24. Cheung C. K. Complementary contribution of social capital accessible from friends to achievement in life // *SN Social Sciences*. 2021. Vol. 1, № 10. P. 254. DOI: 10.1007/s43545-021-00247-x.
25. Mittelmark M. B., Bauer G. F. Salutogenesis as a theory, as an orientation and as the sense of coherence // *The Handbook of Salutogenesis*. Cham: Springer, 2022. P. 11–17. DOI: 10.1007/978-3-030-79515-3_3.
26. Vyas M. K. The Need To Be Significant: Proposing “Existential Need” based on Irvin Yalom's “Existential Givens” // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2024. Vol. 11, № 1. P. 691–698.
27. Harris M. A., Orth U. The link between self-esteem and social relationships: A meta-analysis of longitudinal studies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. Vol. 119, № 6. P. 1459–1478. DOI: 10.1037/pspp0000265.

28. Exploring within-gender differences in friendships using an online social network / P. Pollo, T. A. Reynolds, K. R. Blake, M. M. Kasumovic // *Archives of Sexual Behavior*. 2024. Vol. 53, № 8. P. 3187–3201. DOI: 10.1007/s10508-024-02906-5.

REFERENCES

1. Nartova-Bochaver, S. K. (2019). Living Environment as a Source of Stress and a Resource for Overcoming It: Returning to the Psychology of Everyday Life. In: *Psychological Journal*, 40, 5, 15–26. DOI: 10.31857/S020595920006072-5 (in Russ.).
2. Tville, P. S., Sevanyan, L. G. & Trunkova, K. S. (2025). From Theory to Practice: Historical Development of the Concept of “Salutogenesis” and the Introduction of Salutogenic Design in Medical Organizations in the Context of Increasing Patient-Centeredness. In: *City Healthcare Journal*, 6 (1), 108–118. DOI: 10.47619/2713-2617.zm.2025.v.6i1;108-118 (in Russ.).
3. Antonovsky, A. (1993). The Structure and Properties of the Sense of Coherence Scale. In: *Social Science & Medicine*, 36, 6, 725–733. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(93\)90033-z](https://doi.org/10.1016/0277-9536(93)90033-z)
4. Antonovsky, A. (2024). The Salutogenic Model of Health: Ease, Disease, and the River in Between. In: *Handbook of Concepts in Health, Health Behavior, and Environmental Health*. Singapore: Springer Nature Singapore publ., pp. 1–20.
5. Andoni, A. I. & Nesterova, A. A. (2025). Social-Psychological Approaches to Nurturing Friendship Among Adults: A Theoretical Review. In: *Human Capital*, 5 (197), 30–42 (in Russ.). DOI 10.25629/HC.2025.05.03.
6. Sorokoumova, G. V. (2025). Teenage Friendship in the Digital Age: Statement of the Problem. In: *Psychological Sciences*, 4, 113–121. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-4-113-12 (in Russ.).
7. Kristjánsson, K. (2022). *Friendship for Virtue*. Oxford: Oxford University Press.
8. Zhang, J., Wang, H., Cai, W. (2025). Understanding Social Capital in Decentralised Social Platform: An Empirical Study on Friend.tech. In: *Proceedings of the 17th ACM Web Science Conference*. New York: ACM Digital publ., pp. 117–126. <https://doi.org/10.1145/3717867.3717893>
9. Brodziak, A., Myrta, A. R. & Wolinska, A. (2017). Antonovsky's Point of View on Determinants of Immigrant Integration. In: *MOJ Gerontology & Geriatrics*, 1, 2, 45–46. DOI: 10.15406/mojgg.2017.01.00010.
10. Nartova-Bochaver, S. K., Khodakovskaya, E. N. & Yurchuk, V. Yu. (2024). Situational-Event Approach to Understanding Psychological Well-Being/ill-Being of Student Youth. In: *Modern Foreign Psychology*, 13, 4, 41–50 (in Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2024130404
11. Fehr, B. (1996). *Friendship Processes*. Thousand Oaks: CA: Sage Publications.
12. Schad, E. A. (2025). Framework Analysis of Life Experiences of Swedish Adolescents: A Salutogenic Approach. In: *European Journal of Psychology and Educational Research*, 8, 2, 49–68. DOI:10.12973/ejper.8.2.49
13. Pereira, A. S., DeSousa, D. A., Dutra-Thomé, L. & Koller, S. H. Escala McGill-UFRGS para avaliação dos grupos de amigos: adaptação e propriedades psicométricas. In: *Psico-USF*, 26, 4, 617–629. DOI: 10.1590/1808-8023.2021.2604.
14. Alotaibi, T. A., Alharbi, M. S., Almutairi, A. F. & Alshammari, R. A. (2023). The Benefits of Friendships in Academic Settings: A Systematic Review and Meta-Analysis. In: *Cureus*. 2023, 15, 12. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov> (accessed 10.10.2025). DOI: 10.7759/cureus.50219.
15. Parker, J. G. & Asher, S. R. (1993). Friendship and Friendship Quality in Middle Childhood: Links with Peer Group Acceptance and Feelings of Loneliness and Social Dissatisfaction. In: *Developmental Psychology*, 29 (4), 611–621. DOI:10.1037/0012-1649.29.4.611
16. Mendelson, M. J. & Aboud, F. E. (1999). Measuring Friendship Quality in Late Adolescents and Young Adults: McGill Friendship Questionnaires. In: *Canadian Journal of Behavioral Science*, 31, 2, 130–132. DOI:10.1037/h0087080
17. Kasik, L., Gál, Z. & Józsa, K. (2024). Friendship Functions in Adolescence: Hungarian Version of the McGill Friendship Questionnaire. In: *Canadian Journal of School Psychology*, 39, 2, 151–169. DOI: 10.1177/08295735241242591.
18. Anggawira, V. J. (2025). Differentiating the Quality of Friendships Among Students from Other Regions and Local Students Based on Multicultural Personality. In: *Jurnal Psikologi Tabularasa*, 20 (1),

- 45–58. DOI: 10.26905/jpt.v20i1.15427.
19. Gulzar, N. & Sharma, V. (2025). The Role of Quality of Friendship and Loneliness in Shaping Decision Making Styles among Young Adults. In: *Indian Journal of Positive Psychology*, 16, 3, 402–407.
20. Putri, F. E. & Muttakin, D. (2022). The Role of Basic Psychological Need Satisfaction As a Mediator Between Friendship Quality and Life Satisfaction. In: *Psikohumaniora: Jurnal Penelitian Psikologi*, 7 (1), 15–26. DOI: 10.21580/pjpp.v7i1.10394.
21. Yap, K. K. N., Prihadi, K. D., Hong, S. P. L. & Baharuddin, F. (2022). Interpersonal Mattering and Students' Friendship Quality As Predictors of Subjective Well-Being. In: *International Journal of Public Health*, 11, 4, 1493–1500. DOI: 10.11591/ijphs.v11i4.21890.
22. Nesterova, A. A. (2011). *Social and Psychological Concept of Youth Resilience in the Situation of Job Loss*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
23. Ukolova, E. M., Shumsky, V. B. & Osin, E. N. (2016). TEMMO – A Questionnaire for Assessing Existential Fulfillment in Interpersonal Relationships: Factor Structure, Reliability, and Validity. In: *Existential Analysis*, 8, 152–170 (in Russ.).
24. Cheung, C. K. Complementary Contribution of Social Capital Accessible from Friends to Achievement in Life. In: *SN Social Sciences*, 1 (10), 254. DOI: 10.1007/s4 3545-021-00247-x.
25. Mittelmark, M. B. & Bauer, G. F. (2022). Salutogenesis as a Theory, as an Orientation and as the Sense of Coherence. In: *The Handbook of Salutogenesis*. Cham: Springer publ., pp. 11–17. DOI: 10.1007/978-3-030-79515-3_3.
26. Vyas, M. K. (2024). The Need to Be Significant: Proposing “Existential Need” based on Irvin Yalom’s “Existential Givens”. In: *International Journal of Research and Analytical Reviews*, 11, 1, 691–698.
27. Harris, M. A. & Orth, U. (2020). The Link Between Self-Esteem and Social Relationships: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 119 (6), 1459–1478. DOI: 10.1037/pspp0000265.
28. Pollo, P., Reynolds, T. A., Blake, K. R. & Kasumovic, M. M. (2024). Exploring Within-Gender Differences in Friendships Using an Online Social Network. In: *Archives of Sexual Behavior*, 53, 8, 3187–3201. DOI: 10.1007/s10508-024-02906-5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Альбина Александровна Нестерова (г. Москва) – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии Государственного университета просвещения; профессор кафедры психологии образования Московского института психоанализа;

ORCID: 0000-0002-7830-9337; e-mail: anesterova77@rambler.ru

Александра Ивановна Андони (г. Москва) – аспирант кафедры социальной и педагогической психологии, факультет психологии Государственного университета просвещения;

ORCID: 0009-0008-0978-6739; e-mail: andoni.aleksandra.psy@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Albina A. Nesterova (Moscow) – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education; Prof., Department of Educational Psychology, Moscow Institute of Psychoanalysis;

ORCID: 0000-0002-7830-9337; e-mail: anesterova77@rambler.ru

Alexandra I. Andoni (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Social and Educational Psychology, Federal State University of Education;

ORCID: 0009-0008-0978-6739; e-mail: andoni.aleksandra.psy@mail.ru